

П. И. КОВАЛЕВСКИЙ

1

ПСИХИАТРИ-
ЧЕСКИЕ
ЭСКИЗЫ
ИЗ
ИСТОРИИ

Павел Иванович Ковалевский
Иоанн Грозный
Серия «Психиатрические
эскизы из истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175797

*Психиатрические эскизы из истории. В двух томах. Том 1: Терра;
Москва; 1995*

ISBN 5-300-00095-7, 5-300-00094-9

Аннотация

Исследовательский очерк профессора медицины, автора многих научных трудов по психиатрии П.И. Ковалевского анализирует наследственность, анатомо-физиологические и психические характеристики Иоанна Грозного. Художественность, тонкая историческая наблюдательность и глубина научных обобщений делают эту работу интересной для самого широкого круга читателей.

Содержание

Часть первая	4
Глава I	4
Глава II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

П. И. Ковалевский

Иоанн Грозный

Часть первая

Глава I

Каждый человек представляет известное количество вещества или материи, развивающей из себя соответственное число силы. Таким образом это будет единица вещества, порождающая известную соответственную также единицу силы. Эта единица вещества, соответственно химическому составу отдельных своих частей, порождает силу как простую, грубую, физическую, так и высшую, духовную, в виде проявлений мысли и чувства. Количество материи или вещества, получаемое каждым человеком для своего тела, и расположение отдельных его частей так похожи друг у друга, что невольно является вопрос о тождестве и подобии друг другу людей. При таком тождестве организации человека, тождестве количественном и качественном, весьма естественно порождаются мысли и о тождестве отправлений этой организации, значит, о тождестве силы физической и душевной людей.

Однако на деле оказывается, что люди довольно резко разнятся друг от друга как внешним обликом своей организации, так и обликами духовной и физической деятельности этой организации. Чем же обуславливается эта разница?

Два деятеля создают отдельного человека с его особенностями телесной организации, духовного облика и физической деятельности – наследственность и воспитание.

Нарождаясь на свет, маленькое человеческое существо является носителем организации своих родителей, следовательно, этот человек как физически, так и духовно должен быть повторением своих родителей. Но родителей два: отец и мать. Дети всегда похожи на своих родителей. Это верно. Но каждый ребенок представляет собой сочетание черт как отца, так и матери. Правда, в одних случаях этот потомок носит на себе преобладание черт отца, а другой раз – матери, тем не менее мы редко видим, чтобы дети носили в себе исключительно внешний вид и характер отца или же внешний вид и духовную организацию матери. Этим смешением в образовании в детях свойств отца и матери создаются первые начала *личных отличительных свойств* ребенка – его личной обособленности, его индивидуализации. На этом наследственном свойстве детей заимствовать от родителей черты, свойственные каждому из них, и соединять их в себе в новом сочетании в виде подобия двум своим предкам и зиждется способность рода человеческого совершенствоваться и вырождаться. Обыкновенно у наследуются от

родителей детьми те черты их, которые в организме родителей были наиболее резки и наиболее устойчивы. Если родители в том или другом отношении представляли сходство, то эти черты в детях сочетались, усиливались и проявлялись резче и отчетливее, чем у каждого из родителей, при существовании противоположных черт в том или другом отношении, дети, приблизительно, унаследуют среднепропорциональную величину организации той или другой особенности.

Может случиться, что родители представляют сходство в чертах организации, способствующих совершенствованию ее: крепким телом, большим умом, необыкновенной энергией и т. д. Дети этих родителей являются на свет при весьма благоприятных условиях существования их организации, они также могут рассчитывать быть крепкими, умными, энергичными. Во всяком случае у этих детей гораздо больше данных быть таковыми, чем если бы с вышеуказанными свойствами являлся один только родитель. Иными свойствами обладают дети, если их родители слабы, болезненны, апатичны, сварливы и т. д. Такие дети уже от рождения намечаются в дань склонности к болезням и последующему вырождению.

Таким образом, наследственность предопределяет будущее детей в зависимости от организации и качеств их родителей. Прискорбно было бы смотреть на такую картину человеческого общества, если бы в его существовании наслед-

ственность играла роль единственную и исключительную. Тогда почти с математической точностью мы предрекали бы, что Ивановы должны вымереть, а Петровы забрать верх в обществе, Сидоровы колебаться между жизнью и смертью. В этом случае со всею своею наготою должен был бы выступить вопрос *естественного подбора*, причем родители всеми силами должны были бы заботиться только о том, чтобы своим дочерям выбрать крепких и сильных мужей, а все слабые должны были бы быть обреченными на погибель, как в Спарте. Такое положение дела слишком походит на конюшню и конский завод.

К счастью, в деле физической и духовной организации человека играет роль равную наследственности – второй деятель – воспитание, разумное воспитание в самом широком смысле – питания организма и его образования. Воспитание, путем упражнения, благоразумного питания организма и надлежащей обстановки в жизни данного молодого организма, может более или менее легко парализовать неблагоприятные особенности унаследованной организации данного человека, – оно же, при обратных условиях, может и погубить его.

Таким образом, наследственность и воспитание являются весьма важными деятелями в жизни человека, не только в смысле образования его индивидуализации, но и в смысле его существования вообще.

Что мы сказали вообще о существовании человеческого

рода, то вполне применимо и в частности к его душевному здоровью.

Душевное здоровье или нездоровье людей обуславливается двумя главными моментами: наследственностью и условиями жизни, при которых человек растет, развивается и совершенствуется. Может случиться, что человек родится от совершенно здоровых родителей и в наследство получит крепкую и мощную нервную систему, – тогда представляется много данных к тому, что этот человек, при благоприятных условиях роста и развития, выйдет крепким, мощным и здоровым. Но может случиться и так, что родители больны нервно или душевно, тогда и дети их обязательно унаследуют от них нервную систему не крепкую, склонную к заболеванию и не способную идти, при обычных жизненных условиях, в уровень с человеком, унаследовавшим здоровую и мощную нервную систему – орган душевной деятельности. Таким образом, если бы в созидании душевного здоровья или нездоровья играла роль только одна наследственность, то уже с первого раза мы разделили бы род человеческий на две половины: на здоровых и обреченных на заболевание, на мощных и немощных, на годных к жизни и негодных, на чистых и нечистых. Но одна наследственная передача жизненной способности нервной системы не имеет решающего значения для душевной жизни людей. Существует еще второй деятель, проявляющий весьма серьезное влияние в развитии унаследованных свойств и качеств и имеющий не меньшее

значение, чем и наследственность.

Это именно воспитание в широком смысле слова: образование и т. д. Этот деятель не только дополняет качества организации, полученные по наследству, но нередко и исправляет унаследованное, — равно нередко и портит то доброе, что получено от родителей. При этом может быть четыре главных случайности: 1) дети рождаются от здоровых родителей и воспитываются при благоприятных условиях существования — это баловни природы, 2) дети рождаются от здоровых родителей, но воспитываются при весьма неблагоприятных условиях существования, — в этом случае добрые начала, полученные от родителей в наследство, портятся жизненной обстановкой и таким образом дают душевной жизни человека не надлежащее направление; 3) дети рождаются от нервно- и душевнобольных родителей, но воспитываются в правильных и здоровых жизненных условиях; здесь также происходит борьба двух сил, в которой недобрые задатки, полученные по наследству от родителей, могут быть исправлены и сглажены правильным и разумным воспитанием, — наконец, 4) дети, родившиеся от больных родителей, проходят плохой жизненный путь, при неблагоприятных условиях воспитания, — эти несчастные нередко имеют довольно плачевное будущее.

Что же наследственно передается от родителей к детям? Прежде всего является та мысль, что от родителей к детям передаются самые болезни: сумасшедшие родят сумасшед-

ших, эпилептики – эпилептиков, истеричные – истеричных и т. д. На деле оказывается вовсе не так: почти никогда сумасшедшие не родят сумасшедших, эпилептики – эпилептиков и т. д. Наследственно от родителей к детям передается не готовая уже болезнь, а такая нервная система, которая склонна бывает, при неблагоприятных жизненных условиях, подвергнуться заболеванию. Мы говорим, что дети больных родителей унаследуют *неустойчивую* и склонную к заболеванию нервную систему, которая при одних жизненных условиях может быть здоровою, жизнедеятельною и правильною, при других же условиях она может дать болезнь, – какая же при этом явится болезнь – душевная, истерия, эпилепсия, пляска св. Витта и т. д., – покажет будущее. Словом, наследственно получается неустойчивая почва, на которой может возрасти как здоровый, так и нездоровый плод, в зависимости от удобрения и мер предупреждения и пресечения. Разумеется, при этом играет весьма важную роль и степень болезненной наследственности. Чем сильнее было выражено нездоровье в родителях, тем сильнее и резче выражена будет нервная неустойчивость и склонность к заболеванию в детях, – и чем слабее она была выражена в родителях, тем меньше будет нервная неустойчивость в детях и тем больше существует надежды на возможность ее исправления. Так, душевная болезнь родителей, без сомнения, даст несравненно более глубокую и сильную болезненную наследственность, чем простая мигрень, истерия и проч.

Далее, в напряженности болезненной наследственности весьма важно различать – будут ли оба родителя представлять для передачи неблагоприятную почву, или только один. Разумеется, несравненно хуже для детей, если и отец, и мать люди нервные или душевнобольные, и несравненно благоприятнее, если болен только один из родителей.

В обществе существует очень неправильный взгляд на то – какие болезни, родителей наследственно передаются детям. Думают, что нервность унаследуется только от родителей душевнобольных. Это неверно. Нервная неустойчивость унаследуется от родителей: душевнобольных, нервных, пьяниц, сифилитиков, чахоточных, преступников, бездельников, страдающих продолжительными физическими болезнями, подагриков и проч.

Все эти деревья дают одни и те же плоды – нервную неустойчивость, которая в различных случаях имеет различную окраску, как в степени проявления, так и в сочетании болезненных проявлений.

Наблюдения опытных нейропатологов показали, что наследственность болезненных свойств нервной системы передается от родителей к детям не всем членам семейства в одинаковой степени. В одном и том же семействе мы можем встретить детей и душевнобольных, и эпилептиков, и галлюцинантов, и здоровых, и пьяниц, и преступников, и гениев и т. д. Почему на долю одного из них выпадает эпилепсия, на долю другого – необыкновенные художественные способ-

ности, а на долю третьего – пьянство, разврат, злодейство и проч. – трудно сказать.

Унаследуется от родителей детьми не та или другая болезнь, а болезненное состояние мозга, которое в одних случаях бывает выражено столь резко, что при вскрытиях дает видимые и явные изменения в мозгу, – в других случаях, напротив, эти изменения и неправильности могут быть только молекулярные и химические, при настоящих способах исследования неуловимые и неузнаваемые. Поэтому и унаследование нервных болезней бывает весьма разнообразно, начиная от идиотизма и тупоумия и кончая нервной неустойчивостью, нервной возбудимой слабостью и предрасположением к более серьезному заболеванию со стороны центральной нервной системы.

Не трудно распознать наследственную нервную болезнь, если она выражается в форме эпилепсии, истерии, предсердечной тоски и проч., – несравненно труднее определить и установить те случаи, где наследственная нервность проявляется в форме нервной неустойчивости и нервной раздражительной слабости. Такие люди столь часто у нас на глазах, эти люди в таком обилии нас окружают, что мы к ним приоткрылись, сжились и не считаем за больных. Только изредка они возбуждают в нас сомнение, недоумение, пожимание плечами, название «чудака» и «сумасброда» и т. п., а между тем сплошь и рядом эти люди нервные наследственники, люди с неуравновешенною нервной системой, нейрастени-

ки, при неблагоприятных условиях жизни всегда могущие проявить любую нервную болезнь, как эпилепсию, истерию, душевное расстройство и т. д.

Этот тип нейрастеников весьма интересен, хотя проявления его разнообразны до бесконечности.

Часто уже с детства нейрастеники обнаруживают расстройства в нервной области. Это дети хилые, малокровные, капризные, склонные к частым судорогам. Такие дети по ночам часто просыпаются и плачут, – видят беспокойные сновидения, склонны к галлюцинациям при засыпании и просыпании, а также к кошмарам. Прорезывание зубов и переход на обыкновенную пищу им не обходятся безнаказанно.

Подрастая, они очень любят сказки, особенно на ночь. После прослушанных сказок они зарываются в одеяльце и долго не спят, воображая себя одним из действующих лиц этих сказок и продолжая ход сказки уже при помощи собственной фантазии. Скоро в них развивается страсть к мечтательности и фантазии. Они любят уединяться и предаваться фантазированию в области своих излюбленных картин. Общество детей им не нравится, – в большинстве они толкуются около взрослых. В характере таких детей замечается нервность, капризы, частые вспышки гнева, плача и радости от ничтожных причин. По ночам бывают частые просыпания, во сне подергивание мускулов и чувство падения в бездну.

При обучении они больше увлекаются предметами, в которых преобладает фантазия и память, чем рассудок, поче-

му они больше любят историю, чем математику и другие точные науки. Больше предпочтения они отдают музыке, пению, живописи, чем предметам научным. При обучении у иных детей оказываются способности очень хорошие, они быстро усваивают заучиваемое и не тяготеют своими уроками, – хотя часто очень быстро и забывают усвоенное. Другие, напротив, обладают очень туповатыми способностями и им много труда и усилия требуется для усвоения уроков. Иногда при этом у детей можно замечать некоторые странности; так, *Краффт-Эбинг* передает об одном мальчике, что он, прежде чем начать свои уроки, всегда обращался к дворецкому с умоляющей просьбой ответить ему словом «да» на вопрос, в состоянии ли он приготовить свои уроки. Как скоро «да» получалось, он, спокойный и веселый, принимался за работу. Иногда дворецкий, пораженный нелепостью просьбы, решался сказать «нет»; тогда бедный ученик приходил в страшное возбуждение, бросался из угла в угол по комнате, стонал и решительно был не в силах усидеть на месте; в таких случаях дворецкий снова успокаивал его, говоря: «успокойся – ты вполне можешь приготовить свои уроки, – я пошутил только, сказав „нет“, – возбуждение стихало и в течение часа исчезало бесследно.

Часто такие дети, вместо классных занятий, предпочитают блуждать по полям, лесам и проч. в одиночку, предаваясь своим излюбленным мечтаниям об Америке, лесах, шайках разбойников. Часто у таких лиц особенно развита наклон-

ность к предчувствиям, предвидению, суеверию и символизации. Во многих случаях они смешивают плод своей фантазии с действительностью и придают ей действительное значение. Иногда же, при полном сознании, что это фантазия, они не хотят с нею расстаться и образы фантазии принимают за действительность. Особенно резко выражаются болезненные состояния в период появления менструации у девочек и полового созревания у мальчиков. В это время могут у них появляться иллюзии и галлюцинации, приступы страха, отчаяния, тоски и проч.

У таких детей иногда являются болезненные ощущения кожи головы, так что больно даже прикоснуться к волосам, болезненность десен и зубов, болезненность и даже невозможность дотронуться до позвоночника и проч. Иногда ощущаются стреляющие боли в конечностях, тяжесть и неловкость в членах при движении, — ощущения жара и холода в коже, ползания мурашек, терпкость и одеревенелость, невралгии, болезненность и разбитость всего организма. Со стороны зрения иногда — очень сильное обострение, — другой раз, напротив, в глазах появляется туман, потемнение, искры в глазах, летающие мушки, — шум в ушах, звон, усиленная способность к восприятию обонятельных и вкусовых ощущений. У некоторых является особенная невыносимость к различным пахучим и вкусовым веществам; так, некоторые не в состоянии переносить запаха сигар, мускуса, валерианы, фиалок, малины, — вкуса сладкого и проч. С

другой стороны, у таких лиц часто является непреодолимое влечение к некоторым вкусовым и пахучим веществам. Так, иногда бывает страстное желание зимою есть малину, причем неудовлетворение этого позыва влечет за собою недомогательство, раздражительность, сварливость и волнение. Иногда подобные побуждения бывают самых нелепых свойств. Часто у больных появляются особенные ощущения в области головы: пустота, давление, стискивание, как клещами, торчанье гвоздя, царапанье, переливание чего-то жидкого, клеванье цыпленка, совпадающее с пульсовым биением, стук в голове, биение пульса, шум, как ветерок, совпадающий с пульсом и проч. Иногда являются сильные приступы головных болей, мигрени, прозональгии, головокружения и проч. Больные очень чувствительны к переменам погоды и при незначительных колебаниях атмосферного давления способны предсказывать изменения в погоде. Движения вообще порывисты и быстры, но рядом с этим существует быстрая же утомляемость, слабость и неспособность к проявлению деятельности. По временам наступают приступы такой слабости, что больной неспособен ни к какому движению. Это состояние длится несколько минут, час или два и затем все проходит. Часто у больных замечается подергивание отдельных мускулов и органов, как во время сна, так и в бодрствующем состоянии, — иногда — спазм глотки, гортани, кишечника и проч. Часто замечают у таких больных, при крепком телосложении и здоровом виде, очень тихий голос. К трудным

и тяжелым работам такие люди почти неспособны. Взявшись за что-нибудь, они сначала работают с жаром, но затем чувствуют разбитость, усталость и неспособность к продолжению. В *умственном отношении* у нейрастеников часто наблюдается нарушение внимания. В иных случаях они бывают слишком отзывчивы на всякое малейшее раздражение, но бывают случаи и такие, что больные, при самом искреннем желании, при сознании крайней необходимости сосредоточить свое внимание на том или другом деле, решительно не в состоянии это сделать. Они ясно сознают, как их мысли уклоняются в другую сторону, и они ничего не могут поделать с собою. Последствие – раздражительность и недовольство. Часто эти люди не могут долго заниматься усидчивым умственным трудом, так как последний вызывает усталость и неспособность к занятию. Иногда на больных находит как бы какое умственное затмение: двадцать раз они читают одно и то же место и не могут уяснить себе, что все это значит. Бросают. Проходит несколько часов, день – и они вдруг ясно уразумевают то, чего они не могли понять; теперь выяснилось само собою, без всякого напряжения, то, чего они не в состоянии были уяснить при крайнем напряжении. Нейрастеники очень легко подчиняются чужому мнению: утром они подчиняются одному, вечером другому, совершенно противоположному мнению. Своего взгляда, собственной критики, собственного разбора того или другого мнения у них нет и они постоянно у кого-нибудь под башма-

ком. Но рядом с этим у нейрастеников проявляются отдельные мысли и поступки, выходящие из ряда обыкновенного. Больные эти мало склонны к строгому мыслительному процессу, — они с большим наслаждением и большим удовольствием живут образами чувств, мечтаний и фантазий. Часто эти больные жалуются на умственную усталость, неспособность к умственному труду и несвежесть головы.

Самочувствие нейрастеников очень изменчиво: то они веселы, то сразу становятся грустными и плаксивыми. Часто они бывают раздражительны, недовольны и сварливы без всякого видимого повода. Иногда на них нападают приступы страха, тоски, отчаяния и безотчетного недовольства.

Глава II

Таковы явления у прирожденных нейрастеников или у людей, унаследовавших от своих больных родителей неустойчивую нервную систему. Кроме вышеуказанных болезненных явлений, у нейрастеников развивается масса других и нет почти ни одного болезненного явления в области нервной системы, которое не могло бы проявиться у того или другого нейрастеника. И это весьма естественно. Нейрастения представляет собой неустойчивость отправления всей нервной системы, с преобладанием в одном случае одних явлений, а в другом – других; поэтому нет ничего удивительного, что нейрастения представляет собою собрание всех болезненных явлений и нейропатологии.

Не нужно, однако, думать, что каждый нейрастеник воплощает в себе все вышеуказанные признаки; напротив, ни у одного из нейрастеников они не являются целиком, а только по частям в различных между собою сочетаниях, – вот почему каждый случай нейрастении довольно резко, по сочетанию болезненных проявлений, отличается от других подобных.

Тем не менее, при внимательном рассмотрении всех случаев нейрастении, между ними можно резко выделить две группы: в одной преобладает особенно умственная неустойчивость, а во второй – уклонения и болезненные проявления

в области влечений, побуждений и чувства.

На первый взгляд нейрастеники первой группы представляются необыкновенно умными и всесторонне образованными людьми. Умственные их силы и способности чрезвычайно блестящи.

Они весьма чутки ко всем происходящим вокруг них явлениям. Жадно на все накидываются, быстро усваивают и энергично воплощают в себе. Ко всему они проявляют интерес, всем они быстро овладевают и во всем высказывают знание, опытность и компетентность. Такая всеобъемлемость и широта сведений невольно порождает мысль о необыкновенности и гениальности их умственных способностей. Их жизнь необыкновенно деятельна, их умственная работа чрезвычайно разнообразна и плодovита.

Но, строго разбирая умственную деятельность этих лиц, мы невольно поражаемся ее крайней поверхностностью. Эти люди быстро увлекаются чужими сообщениями и планами, без всякого контроля и критики их усваивают, принимают их за свои собственные им присущие, в тот же миг осуществляют эти планы и при малейшем затруднении покидают их. Быстрое увлечение и горячность в различных делах таких людей сопровождается не менее быстрым охлаждением и забвением предпринимаемого им дела. В силу такого легкомыслия, непостоянства, неспособности сосредоточиться и установиться на одном деле, они постоянно перескакивают от дела к делу, от предприятия к предприятию, от предмета

к предмету. У них существует какая-то потребность к новизне и какой-то зуд перемены. Они только и могут существовать при таком порханьи и собирании не только верхушек, но даже крох от этих верхушек. При этом особенно поразительна полная бессвязность и отчужденность в предприятиях. Так, они от университета переходят к кузнице, от кузницы к производству кружев, от производства кружев к семинарии и проповеди, от проповеди к жандармерии, от жандармерии к производству селитры, от производства селитры к путешествию в Ахалтеке и проч. Такая разносторонность, всеобъемлемость, всезнание и одинаковое увлечение всеми этими предметами ярко выдает духовную немощность человека. Это будет в полном смысле слова импотенция ума, ибо эти люди, схватываясь за все, не доводят до конца ничего и своим вмешательством губят всякое начатое дело и предприятие. Если бы они могли исполнить все, предпринимаемое ими, то они были бы титанами ума и гениями мысли. К сожалению, всякое предприятие их быстро им надоедает, они с удовольствием его бросают и накидываются на новое, с большою неохотою и неприязнью оглядываясь на старое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.